

греческое обозначение изображения богоматери. При реставрации эпохи Рублева, кроме древних ликов, уже существовала чинка третьей четверти XIII в., лежащая на хитоне младенца, в середине, под его плечом. Здесь можно различить концы пальцев левой руки богоматери. В византийской композиции рука помещалась выше и касалась груди младенца. Живопись XIII в. примыкает к единственному фрагменту первоначального византийского «доличного письма». Он идет в виде узкой полосы от спины младенца по его плечу до начала светлого предплечья, выступающего из под короткого рукава прозрачной белой рубашки⁴.

Наблюдения над поправками Владимирской иконы в XIII, XV и XVI вв. позволили еще в 1919 г. высказать появившиеся позднее в печати предположения об изменении ее первоначальной композиции. М. В. Алпатов и В. Н. Лазарев⁵ и вслед за ними А. И. Анисимов⁶ считали, что в константинопольской живописи пропорции фигур, особенно у младенца, были несколько иные, а очертания голов и у младенца, и у матери меньше, чем на дошедшем до нашего времени изображении.

В отличие от них, И. Э. Грабарь⁷ утверждал, что дошедшая до нас Владимирская икона имеет мало общего с тем, что когда-то было написано на ее доске. Искажены размеры и форма фигуры богоматери. Младенец также изменен: от его первоначального вида сохранились лишь удлинненные пропорции, по мнению И. Э. Грабаря, доказывающие, что Иисус был изображен стоящим, а не сидящим на руках у матери.

Как нам представляется, и древние, и поновленные части живописи Владимирской иконы в сопоставлении с данными ее истории на Руси позволяют сделать иные наблюдения и прийти к другим выводам.

Обратимся сначала к уцелевшему первоначальному слою.

Оба лица, шея матери, плечо и руки Иисуса сопоставлены здесь таким образом, что положение их не находит соответствия в порывистом движении слишком тяжелой позднейшей фигуры младенца.

Торс богоматери, как показывает ее шея, не имел акцентированного поворота влево, связанного с московской переделкой, переместившей ниже левую руку Марии. Если мысленно поднять эту руку на прежнее место, указанное на фрагменте XIII в., то позднейшее смещение всей композиции влево становится очевидным. Оно появилось вследствие S-образного положения тяжелого, окутанного негнущимися золотыми тканями тела младенца. Размеры и поза не соответствуют движению небольшого лица его с лежащими у дба гладкими волосами; уцелевшими на первоначальном слое.

Как мы предполагаем, поза младенца была естественнее и отвечала детскости его лица. Тревожно приподнятое, оно было уравновешено, помещенным ближе к середине доски спокойно сидящим на руке матери, прямым торсом в короткой тунике с согнутыми в коленях обнаженными ногами.

Эта догадка подтверждается рисунком ассиста на первоначальных фрагментах спины и плеча Иисуса (рис. 2). Наносившиеся всегда по форме золотые линии ассиста обрисовывают здесь прямую, а не изогнутую спину

⁴ А. И. Анисимов. История Владимирской иконы в свете реставрации. — «Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН», II. М., 1928, стр. 93—107.

⁵ М. Alpatoff, V. Lazareff. Op. cit., S. 141.

⁶ А. И. Анисимов. Владимирская икона. . . , стр. 32—33.

⁷ I. Grabar. Sur les origines et l'évolution du type iconographique de la Vierge Éléousa. — «Mélanges Charles Diehl», II. Paris, 1930, p. 42.